

Когда тухнет солнце, сочится в окна лунный свет. Своим потоком он смывает дневную пыль, очищая сознание от рутинных мыслей. Мокнут, чернея, комнатные стены, набухает мебель. Предметы на столе теряют своё значение. День сменяется ночью, будто безоблачное небо хмурыми тучами; меланхоличная осень приходит на место праздного лета. Когда глазам не за что зацепиться, мозг обращается к своим архивам. Нужно ведь как-то доказывать себе, что ты всё ещё жив.

Стараясь напомнить о себе, радугой светят вывески магазинов, но всё безуспешно: их цвета сливаются воедино с фонарными столбами, тоже создавая лишь фон. Люди, кажется, пропадают, но пропадают лишь с улиц. Теперь они в моей голове. Туда же катится радостно сияющее солнце – напоминание о беспечных днях – оставляя только черное небо.

Луна проливает свет на истинное значение вещей. Тусклый, неясный свет, что больше подобен тени. Отвернувшись от окна, я вижу, что всё выглядит иначе: большой телевизор превращается в чёрную дыру, одежда на стуле кажется от стыда ссутулившимся человеком, цветы на дешёвой картине вовсе становятся белым шумом. Вот я лежу в постели, глядя в потолок. Лежу, кажется, долго, но стрелка часов медленно плывёт по циферблату, ничуть не рассекая гладь цифр. Я весь искрутился, пытаюсь разжевать одну мысль в голове, будто резиновый кусок говядины.

Урчит в животе. «Весь день только бутерброды ел» - подсказывает мне что-то в голове. Хочешь – не хочешь, а встать и поесть придётся. Зверский просыпается голод. По пути на кухню решаю выйти на балкон, выкурить сигарету. Тихо вдалеке шипит дорога. Доносятся, время от времени, неотчётливые крики. На сером небе многоэтажек загораются окна-звёзды. Я смотрю на них, прищурившись. Почему они горят? Неужели людям не хочется побыть в темноте? «Пш!» - зашипела сигарета. Я взглянул на небо. Холодная капля тут же упала мне на нос. «Дождь» - констатировал я и пошёл по изначальному маршруту, предварительно ткнув задумавшийся бычок о стенку стеклянной банки.

В оранжевом свете холодильника мне приглянулся контейнер с позавчерашними слипшимися макаронами. Я достал их, понёс к сковороде, но, заметив свою аптечку на столе, развернулся: «Лучше чего-нибудь жидкого». Замурчав, вспыхнуло синее пламя. Хруст ручки окна был подобен спичке, поджёгшей газовую плиту, и подобно тому пламени зашипели машины. Я сел, облокотившись о кухонный стол. Тихо шумел дождик, отзываясь в моей голове такими же робкими мыслями. Горячий пар извилистыми потоками стремился вверх. Когда ложка отстучала финальную партию, я вернулся в постель.

О чём думает человек перед сном? В полной темноте сомкнутых век выходят самые глубинные мысли. Самые важные мысли. Ты скоро пропадешь, исчезнешь, даже не заметив. И каждый сон – будто новая смерть. Ты вспоминаешь о том, что прожил, о том, что ещё должен пережить. Вдруг понимаешь, что всё возможно, что стоит тебе только проснуться – ты свернешь горы; да если бы не эта потребность во сне, свернул бы горы прямо сейчас. Встал бы, да написал поэму, начал без усталости тренироваться, разрешил все проблемы, но нет. Нет сил. Но как только взойдёт солнце, как только прокричат первые петухи! Все эти безделушки полетят в окно; решимости не будет предела... И всё-таки каждое утро одинаково. Если смерть порой не может изменить человека, то это слабое подобие – сон – тем более не способно.

Никак не мог я пережевать ту гадкую мысль. Я пытался успокоить себя завтрашним выходным – возможностью всё исправить – однако чуял подвох. Который день меня обманывал солнечный свет, который день он тушил мой ночной пыл, убаюкивая сладким оптимизмом. На самом деле лишь отблеск луны способен зажечь огонь борьбы в моём сердце. В тот день я впервые не стал спорить с его зовом. Я вскочил с кровати и быстро оделся.

Дождь громко стучал по окнам такси. Играло радио. Неужели в России нет песен, написанных не о любви? Они льются из одной в другую, складывается ощущение, что это один нескончаемый псалом. «Пятьсот повторений, раз в неделю, от тринадцати до семнадцати» - вспомнились мне слова героя небыизвестного романа. И правда: будто гипнопедия. Как герои того же

романа, я могу с лёгкостью вспомнить забитые глубоко в голову строчки, учащие любить «как все». Красный свет магнитолы в тёмном салоне автомобиля резал мне глаза.

Дождь немного затих. Я подошёл к домофону и дрожащими пальцами набрал милое число. Долго скрипел электрический звон, но вдруг замолк. Заскрипел теперь долгожданный голос. «Одевайся и выходи, нужно поговорить» - ответил я. Захрустел пластик. Я нервно топтался по мокрому асфальту, пытаюсь отрепетировать фразу. Капала вода.

Ночью ты попадаешь в совсем иной мир. Однако многое ли меняется на самом деле? Шумные толпы людей днём безлики – оттого пусты, как ночные улицы. Устрашающе выглядит ночь, но так же опасен и ясный день.

Отворилась дверь подъезда.

- Что стряслось? Почему ты пришёл среди ночи, даже не позвонив? – спросила она.

- Нам нужно поговорить.

- О чём? И почему ночью?

- Пройдемся, я всё расскажу.

- Сейчас? По нашему-то захолустью! Ты с ума сошёл...

- Потому что днём ничего не выходит! – перебил я

- Зайдём ко мне, пожалуйста – мягко попросила она, видя моё волнение. Я не мог сопротивляться.

Наши шаги эхом неслись по всей лестничной клетке. Чщ-чщ, чщ-чщ, чщ-чщ, чщ-чщ... Ни слова больше до самой двери. Темно. Лампочки, небось, выкрутили местные поэты.

Мы, наконец, были в квартире. Она включила свет в прихожей. Он с размаху ударил по глазам. «Только чтобы раздеться» - подумал я. Мы прошли на кухню. Я сел за стол. Закряхтел электрический чайник. И снова свет.

- Выключи свет, пожалуйста.

- Зачем? – недоумевала она.

Её красота была неоспорима. Стройная фигура была безупречна; даже заспанное лицо без макияжа было способно затмить любую. Новая стрижка ей однозначно шла. Но взгляд выражал прежнюю обиду. «Нет, всё не то» - думал я.

- Выключи, прошу... Он режет глаз.

- Но в темноте ничего не видно!

- Ты ошибаешься. Со временем привыкнешь – станет ещё лучше, чем сейчас.

- Хорошо.

Её глаза отражали свет луны. Их мне было достаточно. Луна освещала в них тревогу. И весь пульс передавали одни только глаза. Предо мной сидела доброта, искренность, человечность. То самое сопереживание, в которое я был влюблен. Я улыбнулся.

- Я ненавижу свет – вдруг начал я.

- Почему?

- Хотя бы потому, что из-за него не видно звёзд. Он только и делает, что указывает; а то, что ему не по нраву – скрывает. Ты помнишь белые от солнца летние улицы? Их праздность оттого, что свет торжествует!

- Чушь какая-то...

- Во тьме я могу всё! Я могу говорить то, что захочу. Попробуй, скажи эту «чушь» при свете – страшно стыдно! И она действительно кажется чушью. Но ночью... Нет миллиардов глаз, нет страха, ведь твой телесный облик растворяется: ты становишься тем, что говоришь, тем, кто ты есть на самом деле.

- Почему ты постоянно пытаешься чему-то учить, и даже не предполагаешь, что может быть как-то иначе. И вообще, тут зависит от характера человека...

- Нет! Несмотря на характер! Почему серенады поют в сумерках? Попробуй, решишь на них днём. Да ночью я могу совершенно всё, смотри! Вот мы посреди тенистого леса – Сосновый бор возвысился поверх наших голов. Коричневые стволы его деревьев вкусно пахнут смолой. Она внюхивается так, как внюхиваются в еле чувствуемый приятный запах, которого никак не хватает,

даже если засунуть его источник в ноздри. – как тебе? А теперь мы окажемся
посреди моря! – Нас окружила бушующая стихия. Её синева выглядит молодо,
всесильно. Наша хлипкая лодочка еле справляется с волнами. Она держится за
бортики обеими руками, в страхе глядя на меня. – Да что море и лес, смотри:

Мы на новой строке!

Мы посреди строки!

Мы в конце строки!

Now, we are translated into English via Google Translator!

Сейчас вообще с тобою мы
В ямб превратились, чудеса!
Лиричный стих, мы влюблены.
Стопы четыре в строчке, да!

Я могу продолжать до бесконечности! Сейчас, когда мы свободны от телесной
оболочки, может происходить настоящее волшебство! Так давай же, пока
можем, освободимся и от оков рассказа, оков языка, слов, букв, даже законов
физики и химии! Мы преступим самый главный закон, давай!..